

Ульяна Соболева и Вероника Орлова

11

ЧЕРНЫЕ ВОРОНЫ

Ураган

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Черные Вороны

Ульяна Соболева

Черные вороны 11. Ураган

«Ульяна Соболева»

2023

Соболева У.

Черные вороны 11. Ураган / У. Соболева — «Ульяна Соболева»,
2023 — (Черные Вороны)

Казалось, мы с Максимом расстались навсегда. Мы не виделись более трех лет. И я похоронила себя заживо как женщину. Теперь я мечтала о мести и хотела воплотить ее в жизнь... Я никогда не думала, что встречу ЕГО там. Среди наших врагов. Никогда не думала, что теперь он будет одним из них. А потом...потом я потеряю его навсегда...Линия ТОЛЬКО Даши и Макса. Римейк ЛЗГ обратите внимание!

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	12
Глава 4	17
Глава 5	21
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Ульяна Соболева

Черные вороны 11. Ураган

Глава 1

– Вы должны подписать здесь и здесь. Без вашего разрешения мы не можем начать поставки товара.

Я посмотрела на Данилу Евгеньевича, моего консультанта-секретаря и скептически поджала губы.

– Я подпишу только после того, как мне предоставят полный отчет. Полный, Дани.

– Но Максим...

Я постукала костяшками пальцев по столу, раздражаясь.

– Мне наплевать, как вы работали раньше. Сейчас концерн принадлежит мне, и я решаю, каким образом вести бизнес с моими партнерами. Бумаги об отчетности мне на стол. Ты свободен.

– Я просто хотел сказать, что господин Воронов уже давно лично проверил поставщика. Так, как он проверяет... – на несколько секунд он отвел взгляд.

– Я в этом не сомневаюсь, но проверю еще раз. Господин Воронов больше не ваш босс. Теперь я решаю, как вы будете дышать, смотреть, двигаться и говорить, я так же могу решить, что вам больше совершенно не нужно делать ничего из вышеперечисленного, и в таком случае от вас останется горстка пепла.

Он сглотнул, и я увидела, как дернулся его кадык, а над верхней губой появились капельки пота. В воздухе витал запах страха... и мне он нравился. Да, с некоторых пор он начал мне нравиться, иногда это пугало.

Опустила голову, рассматривая на экране ноутбука особняки в пригороде. Вчера я купила новый дом. Просторный, уютный, очень светлый. С утра мои люди уже перевезли в него почти все вещи.

– Дарина?

С раздражением посмотрела на секретаря.

– Вы еще здесь?

– Полчаса назад пришли бумаги о продаже вашего дома. Сделка состоялась. Через неделю въедут новые владельцы.

Я кивнула и снова перевела взгляд на экран.

– Отличная работа, Дани. Очень быстро.

Он не должен увидеть, как задрожали мои руки, и слышать, как несколько раз замерло сердце. Когда дверь за ним тихо закрылась, я захлопнула крышку ноутбука и уронила голову на руки, зарываясь пальцами в волосы. Вот и разорвана последняя ниточка с прошлым. С Максимом.

Я ведь почти не думаю о нём. Почти. Нет, не потому что время лечит, а, скорее, потому что в этом нет смысла. Иногда приходят такие моменты, когда боль, выпитая до дна, притупляется, но она живет внутри тебя, даже дышит, и я знаю о ее существовании. Просто я ее больше не боюсь. Потому что мы с ней единое целое. Так человек смиряется с неизлечимой болезнью и учится с ней жить, подстраиваться под нее. Я научилась жить с болью.

Сколько времени прошло, как мы стали чужими и больше не виделись? Я потеряла ему счет. Вначале дни тянулись бесконечно, потом они переросли в месяцы, а дальше я перестала смотреть на календарь. Сейчас я жила совсем другой жизнью. Я изменилась, все во мне стало другим, иногда казалось, что это и не я вовсе. О Максиме я больше не слышала ничего. Воз-

можно, если бы я захотела, я могла бы узнать, куда он уехал, где он сейчас, но я не хотела. Зачем лишний раз кормить мою боль, чтоб она подняла голову и начала сжирать меня? Кроме того, я могла узнать то, чего знать не хотела бы.

Жирная точка была давно поставлена, и я больше не собиралась превращать ее в многоточие. Я занималась делами концерна, который теперь стал моим. Мой бывший муж все оставил мне. И я справилась, полностью контролируя как торговлю, так и своих подчиненных. Поначалу это было непросто. Сверхсложно. Я не понимала ровным счетом ничего. Я злилась, рвала бумаги, выгоняла своих помощников за дверь, консультанты в моем присутствии бледнели. Сама от себя не ожидала такой агрессии, но я хотела понимать, чем живет мой бизнес, чем он дышит, на чем строится. Со временем я разобралась, лично встречалась с партнерами, изучала эти чертковые договора, схемы, законы. Бывало, посреди ночи звонила брату, и мы разбирались вместе. Через несколько месяцев я могла с легкостью вести все дела, которые вел Максим.

Но у меня была цель. Иная. И я не хотела, чтобы хоть кто-то узнал о ней раньше времени. Я собиралась сделать то, что до меня не смог никто. Для этого мне требовалось время и полное понимание всего, что происходит не только в концерне, но и в политической сфере и... в сфере самых грязных делишек Максима и нашей семьи, я бы сказала клана Вороновых. Я должна быть в курсе всей политики, всей изнанки и подноготной этого мира. Возможно, именно это давало мне много сил жить дальше.

Только иногда, по вечерам, когда я оставалась одна в своем новом просторном офисе и смотрела на ночные улицы, ловила себя на мысли, что опять его вспоминаю, смиренно выпусткая боль на волю. Как сейчас, когда продала НАШ дом. Последнее, что оставалось нашим общим прошлым, кроме детей. Порвала тоненькую ниточку с ним... я надеялась, что порвала. Это как самая жестокая, затяжная ампутация без наркоза, когда даже после прошедшего времени все еще болят старые шрамы. Дико болят. Невыносимо.

И сейчас она не заставила себя ждать. Проклятая агония. Вырвалась наружу, пожирая, изматывая. Я позволила. Давай, терзай меня, сегодня я беззащитна. Сегодня можно. Я налила себе в бокал мартини и посмотрела в окно. Ведь та Дарина умерла. Сегодня я похоронила все, что от нее оставалось... у меня траур. Тронула щеку и отняла руку... слезы. Все же я плачу.

Этой ночью я позволю той Дарине снова метаться в агонии, выть от боли, ломать ногти, кусать губы до крови. В последний раз. А утром... утром я буду смотреть, как мои дети осматривают новый дом, как в него завозят наши вещи, буду улыбаться им и махать рукой из окна. Возможно, еще будут такие моменты, когда я снова стану прежней Дашей, только теперь ее больше никто не увидит. Никто не узнает, что она все еще жива, еще плачет о нем... нет, не вслух, плачет в душе, когда на лице надменная улыбка, а в глазах триумфальный блеск владелицы огромного бизнеса, перед которой трепещут, целуют руки, боятся сказать лишнее слово. Я сыграла по ней реквием, и каждый день слышу его последние аккорды.

Больше нет малыша, нет Даши – она умерла. Есть Дарина Воронова, и она поставила перед собой цель, ради которой пойдет по трупам и по головам.

Я помню тот день, когда все изменилось. Правда, тогда я еще не поняла, насколько. Вошла в кабинет Максима и увидела Стафана. Он аккуратно складывал документы в папки. Поднял голову, посмотрел на меня, поздоровался и невозмутимо продолжил складывать дальше. Я прошла вглубь кабинета и раздвинула шторы на окнах.

– Я могу не спрашивать, куда он уехал, верно?

Не повернулась к нему, а просто рассматривала, как по стеклу стекают растаявшие снежинки. Ответ я не услышала, впрочем, вопрос был мыслями вслух.

– Ты тоже уезжаешь?

– Если меня уволили, то – да.

Я резко обернулась, посмотрела на Радича. Все эти годы у нас был взаимный холод в общении. Я уверена, что он при первой же возможности уйдет. Потому что с этой должностью его связывала лишь фанатичная преданность моему мужу и уж точно не мне. Я, скорее, любимая игрушка хозяина, которую нужно беречь, пока хозяин хочет в нее играть и спустит три шкуры за ее целостность. Сейчас подобная необходимость отпала. Тогда почему он медлит?

– Нет, я не увольняю тебя. Если хочешь продолжить службу – можешь остаться. Если готов быть предан мне и моим детям так же, как был предан моему мужу... бывшему мужу.

Ищейка (так называли Радича за спиной) вскинул голову и слегка прищурился.

– Я всегда был предан всей вашей семье. Для меня ничего не изменилось.

Это было странно слышать. Точнее, понимать, что у этой машины есть какие-то эмоции и чувство долга. Я многого не понимала, да и не хотела понимать, живя в каком-то коконе, за спиной мужа, который ограждал меня от всего внешнего мира, от общения с его людьми, решения вопросов бизнеса и так далее. Мне это было не нужно. Но то, что сказал Стефан, повергло меня в состояние шока.

– Максим все переписал на вас: имущество, бизнес, счета в банках, ценные бумаги. Вы теперь единственная владелица всего состояния Вороновых. Вы можете назначить Андрея доверенным лицом. Так что ваш брат, скорее всего, сам сможет заниматься всеми делами Максима.

Я снова отвернулась к окну. Значит, ушел ни с чем. Полностью пустой. Я горько усмехнулась – гордость. Не дойти до унижительного дележа. В этом весь он. И оставил детей... мысль о детях тогда еще давала надежду, что Максим появится, хотя бы ради них. Потом, со временем, я пойму, что он навсегда вычеркнул из жизни всех нас. Детей тоже. Вопрос «почему» я себе не задавала. Зачем? Если ответа всё равно ждать не от кого. Разве что придется объяснять детям... а что объяснять, я тогда не знала.

– Я собираю бумаги для вашего брата, ввести его в курс дела. Есть много нюансов, как по легальному бизнесу, так и по нелегальному...

– Да, подготовь. Я на некоторое время еду с детьми к нему. Там все и обсудим.

Уже тогда я приняла решение, что не вернусь в этот дом никогда. Не смогу в нем жить больше ни секунды.

С того дня прошло почти полгода. Я изменила свое решение. В тот самый момент, когда должна была поставить свою подпись на доверенности. Положила ручку на стол, посмотрела на брата, а потом неожиданно для себя и обоих мужчин сказала:

– Нет. Я сама хочу править всем бизнесом Максима. Я хочу все знать. Введите меня в курс дела.

Они этого явно не ожидали, их лица вытянулись, переглянулись.

– Дарина, есть вещи, в которые лучше не лезть и не знать о них, – осторожно заметил брат. Именно в этот момент на меня нахлынула ярость. Какая-то темная злость, о существовании которой я даже не подозревала.

– Не знать?! Мне надоело ничего не знать! Думаете, я идиотка? Наивная дура, и не понимаю, что такие суммы, которые крутятся в ваших концернах, что вы там отмываете, не знаю про офшоры? Думаете я не знаю, что все деньги отнюдь не заработаны на сети ресторанов «Магнолия» и даже не на продаже нефтепродуктов? Я хочу знать! Все знать. Хватит держать меня за тупоголовую слепую овцу, которую водят пастухи. Я имею право. Я такой же член клана Вороновых, как и вы! Или у нас процветает шовинизм? Не хотите мне помочь разобраться – я разберусь сама.

Это были первые шаги бизнес-леди Дарины Вороновой в политику того мира, в котором вращались мой брат и мой бывший муж. Тогда ещё никто не предполагал, что я справлюсь.

Глава 2

Сейчас мне уже странно, что я жила под колпаком, в каком-то счастливом неведении, иллюзиях и придуманном собственном мире. Вначале я изучила весь легальный бизнес, у меня ушли на это месяцы. А когда взялась за нелегальный – волосы встали дыбом от масштабности того беспредела, который контролировала наша семья. Но чем больше я вникала, тем больше понимала всю гнилую сердцевину преступной структуры, которая вилась цепочкой до самой верхушки с самых низов. Начиная с бомжей на улице и заканчивая известными и многоуважаемыми политиками. Наркотики, живой товар, донорская кровь, органы для пересадки, оружие, военная техника. Наш клан и те, кто ему преданны и работают на него, и есть тот самый огромный синдикат, который правит всеми. Если вы думаете, что судьбы стран мира решают президенты и всякие там организации – вы сильно ошибаетесь. Это пешки. Марионетки. Всеми ими управляет кто-то, сидящий за их спинами. А этот кто-то и есть синдикат, о существовании которого я даже не подозревала. Вот почему Зарецкий хотел разорвать нашу семью, разделить ее, уничтожить, вот почему так хотел свергнуть власть брата и поставить на его место Волкова. Вороновы занимают далеко не последнюю лестницу в этой иерархии, и они управляют всей «кормушкой». Это безграничная власть. И мой брат вместе с Максимом стояли у верхушки этой власти. Вот она – обратная сторона медали. Я научилась абстрагироваться от того количества крови и человеческих жизней, которыми платил клан в своих подпольных грязных делах. Во мне просыпался холодный расчет и... да... жестокость, которой никогда раньше не было. Я менялась с каждым днем все больше, а по мере того, как узнавала каждую мелочь, каждый штрих в этом огромном механизме, я черствела. Первое время не могла отдавать приказы на уничтожение, кару, расправы, а потом и это перестало волновать. Я видела все плюсы и минусы некоторых операций и иногда принимала трудные решения.

Возможно, я не окунулась бы во все это, если бы не та пустота, которая пожирала меня... После того, как я поняла, что Максим никогда не вернется. Я утешалась детьми и правлением своим бизнесом, делом всей моей жизни. Какое-то время. Пока не докопалась до документов, которые Максим и брат не стремились кому бы то ни было показывать. Списки жертв и делишек Зарецкого. Персональный счет ублюдку. И он шел на сотни. В этом списке числилась моя мать, Савелий, многие... те, кто были мне дороги... Все они, неотмщённые, превратились в ничто, в то время, как эта тварь спокойно бесчинствует, верховенствует, дает интервью, возглавляет высшие структуры, проворачивая свой бизнес. Мои люди следили за его передвижениями и доносили мне лично. Потому что я знала – это не конец игры. Пока он жив – нашей семье не будет покоя. Ни моим детям, ни моему брату, ни моим людям. А еще эта тварь виновата в том, что распалась моя семья. Пусть косвенно, пусть не напрямую, но это он разжег войну внутри клана, спонсировал весь тот беспредел, который унес жизни людей. Зарецкий отнял у меня то, что стоило дороже всех сокровищ вселенной – он отнял у меня возможность дышать и быть женщиной. Это он убил Дашу руками моего мужа.

Моя ненависть к нему росла пропорционально пониманию, что я никогда не смогу убить эту мразь. Ни я, ни кто бы то ни было из моего окружения. Мы бессильны перед ним. Плюс покровительство самой верхушки. Значит, Зарецкий будет жить и строить жуткие планы по уничтожению моей семьи, и кто знает, возможно, в этот раз у него все получится. Крепнем мы – крепнет и враг.

Я думала так довольно долгое время, пока не узнала о существовании неких секретных файлов. «Ящик Пандоры» – так называли его брат и Стефан. Я случайно подслушала их разговор после поездки Андрея в Испанию. Именно тогда я поняла, что больше не могу думать ни о чем, кроме этого. День изо дня я вспоминала эту короткую беседу и прокручивала в голове

каждое слово, пока не приняла решение. А приняла я его после информации о том, что Зарецкому удалось освободить Волкова из-под стражи и добиться закрытия дела. Довольно странно, учитывая те обвинения, которые предъявили ублюдку.

От его фамилии меня бросало в дрожь. София Волкова. Женщина, которая удостоилась чести носить одну и ту же фамилию с моими детьми. Сейчас, спустя полгода я знала о ней все. Начиная с ее появления на свет и заканчивая исчезновением. Она пропала перед отъездом Максима. Иногда меня посещали мысли, что они уехали вместе... и я ненавидела ее еще больше. Я презирала всеми фибрами моей души.

Теперь я надеялась только на одно – Ищейка поможет мне осуществить план. Стефан знал то, чего не знал никто – у него была идея, как уничтожить проклятого Зарецкого. Надо отдать ему должное, все это время он всегда был рядом. Как и Денис. Они помогали вести мой бизнес, Дэн лично занимался охраной дома и моих детей. Он сопровождал меня везде, я знаю, за моей спиной поговаривали о том, что мы любовники, а мне было наплевать. Я не собиралась ни опровергать, ни подтверждать эту информацию. Пусть думают, что хотят. Я свободная женщина. Кроме того, это обеспечивало мне некую защищенность от домогательств других мужчин. Желаящих стать мужем Дарины Вороновой становилось все больше, пропорционально росту моего состояния и связей.

Я знала, что Дэн ко мне чувствует, а он и не скрывал. Все это время он был рядом. Его любили мои дети, которые скучали по мужскому обществу. По обществу отца. После того, как Максим уехал, они тоже собирали себя по кусочкам и учились жить без него. Я с трудом сдерживала слезы, когда Тая плакала, что скучает по папе, спрашивала, где он и когда вернется. Его маленькая принцесса не могла смириться с тем, что Максима больше нет рядом, а я не могла объяснить, почему и где он. Я только говорила, что нужно подождать, отец вынужден был уехать, и он про них не забыл, просто там, где он сейчас, нет связи... Я лгала своим же детям, потому что сама не знала ответов на их вопросы. Точнее, я знала... рано или поздно мне придется сказать, что я ушла от их отца, и поэтому он уехал. Когда-нибудь я наберусь смелости и расскажу им все. Хотя Яша и так все знает. Иногда я ловила на себе его взгляды и понимала, что он не только знает о том, что произошло между мной и Максимом, а также то, что я до сих пор плачу по ночам у себя в комнате.

С Дэном дети подружились не сразу. Спустя полгода постоянного присутствия в нашем доме. Его признала даже Тая. Какое-то время они его ненавидели, особенно мой старший сын, когда читал сплетни в газетах. Ненавидел до тех пор, пока я не позвала Яшу и не сказала ему, что в моей жизни есть место только для троих любимых мужчин. Это Яша, Марик и мой брат. В тот день Яков впервые пожал руку Дэну. Иногда мы выезжали все вместе на радость папарацци, которые снимали во всех ракурсах Дарину Воронову с детьми и личным охранником, с которым у нее любовная связь. А Дэн, он ничего не просил, а я ничего не давала, кроме доверия, уважения и дружбы. Я еще не была способна на новые отношения и вряд ли когда-нибудь буду.

Некоторое время назад, после того, как узнала о тайных файлах, я позвала Стефана на встречу, назначив ее не дома, а за городом. Ищейка приехал сразу же. По первому зову. Я смотрела, как он поправляет воротник пиджака, стряхивая невидимые пылинки, и усмехнулась – педант. За эти полгода мое отношение к нему сильно изменилось, я поняла, как много он делает для клана. И не только по долгу службы – он по-настоящему предан нашей семье. Поэтому то, что я собиралась сказать или даже сделать на этой встрече, вызывало во мне противоречивые чувства, но я приняла решение. Я обдумала его, взвесила все «за» и «против», и пришла к выводу, что нам не избежать войны в ближайшем будущем, если мы не избавимся от Зарецкого.

Когда Стефан услышал от меня о файлах, его лицо вытянулось, а глаза забегали из стороны в сторону. Он занервничал, а когда я сказала, что собираюсь воспользоваться его содер-

жимым и кое-что провернуть, Ищейка расхохотался. Так громко и унизительно, что я не знаю, каким образом, но уже через секунду вдавила его в ствол дерева, удерживая за горло. Мне хотелось его удушить. Я даже не знала, что способна на такую ярость.

– Это было неплохо, – наконец-то пробормотал он, вытирая рот тыльной стороной ладони.

– Ты сможешь мне?

Он снова усмехнулся:

– Я похож на смертника?

Теперь уже усмехнулась я.

– Похож, очень похож. Особенно учитывая все те грязные делишки, которые проворачиваешь за моей спиной, думая, что я ничего не знаю.

Улыбка пропала с его лица, он явно не ожидал, а я продолжила:

– Оружие – это та малая часть, которая уже может стоить тебе головы. Я молчу о ваших прошлых делах с Максом и моим братом, да и о самой флешке, которая явно досталась вам не за деньги или какие-то блага, а полита кровью. Сколько их было, Стефан? Десятки? Тех, кто умерли ради этого носителя?

Ищейка поправил воротник и посмотрел на меня исподлобья.

– Ваш брат тоже в этом замешан.

– Верно. Но ведь ты знаешь, что Графу намного легче избежать кары, чем тебе.

Я обошла Радича со всех сторон и остановилась напротив, посмотрела в его серые глаза:

– Мы должны положить этому конец, Стефан. Волкова вернули не просто так. Пройдет несколько лет, и мы переживем такую же войну, если не хуже. Только на этот раз противник подготовится намного лучше.

– На этот раз, Дарина, нет вашего мужа, который проберется в его тыл и спасет наши задницы.

Я вздрогнула. Пощечина. Весомая такая оплеуха. Браво, Радич. Напомнил мне, почему я сейчас разведена и почему Максим ушел... точнее, я его прогнала из своей жизни. Преданный пес вспомнил о любимом хозяине. Укусил. Больно.

– Наши задницы не нужно будет спасать, если ты мне сможешь.

– А если нет?

– Если нет, то завтра же Зарецкий получит от меня интересную информацию о тебе...

Его глаза загорелись так ярко, что я резко выдохнула. Злитесь. Это хорошо. Больше всего меня всегда бесила его невозмутимость.

– Стефан. Пойми. Это нужно сделать! Нужно всем нам!

– А вы подумали о семье, о детях?

– Подумала. Прежде всего, я подумала о них.

– На кого вы их оставите?

– А ты уже пророчишь мне проигрыш?

– Да! Изначально гиблая затея. Думаете, вы умнее нас всех? Думаете, мы не перебрали все способы уничтожения этого подонка? Поверьте – это провал. Выбросьте из головы даже малейшую мысль о подобном безумии, если хотите жить.

– Возможно, для вас, мужчин, она и гиблая, но не для женщины. Как ни странно, но здесь у меня намного больше шансов, чем у вас было год назад. Особенно учитывая информацию с флешки.

Он удивленно приподнял одну бровь.

– Разве Зарецкий будет ожидать подвоха от хрупкой несовершеннолетней девочки?

– Вы уже далеко не хрупкая, и все об этом знают, – в этих словах прозвучала и доля восхищения.

– Так ты сможешь мне или нет? С тобой или без тебя, но я это сделаю.

Он размышлял несколько минут, а потом спросил:

– Что от меня требуется?

От него требовалось всего три вещи: во-первых, держать язык за зубами, и это он умел делать превосходно, во-вторых, научить меня драться, а в-третьих, раскрыть мне всю информацию о Зарецком и его пристрастиях к несовершеннолетним девочкам, даже ту, которую он предоставлял в отчетах Максиму.

Мы готовились три месяца. Три долгих месяца тренировок на износ, изучения материалов, охраны помещения, карты дома, привычек твари и его расписания. Его вкусы и предпочтения даже в сексе. За это время я узнала Зарецкого как родного и научилась драться, как дьявол. Мы просчитали все варианты развития событий, и я приближалась к тому дню, когда Зарецкий откроет лично мне ворота своего особняка, чтобы встретить свою смерть. Ведь в течение последнего месяца я сделала всё, чтобы помешать его личному бизнесу. Скоро он сам выйдет со мной на связь. Ведь легально ставить мне палки в колеса он сейчас не может.

Сегодня я наконец-то продала дом, переписала имущество на детей, назначила Андрея опекуном Марика, Яши и Таи. Если что-то пойдет не так, брат позаботится о них. Впрочем, мы просчитали все до мелочей. Подготовились так основательно, что у нас не оставалось сомнений в том, что задуманное пройдет без сюрпризов. Хотя Стефан предупредил, что мы не можем учесть всего, и в доме Зарецкого может быть много ловушек. Только я все решила, меня уже нельзя было остановить или переубедить. Последнее, что мне оставалось сделать – это вывезти оставшиеся вещи из проданного дома. Попрощаться с прошлым окончательно и поговорить с Денисом. На случай моего провала я обеспечила ему безбедное будущее.

Я встала из-за стола, поставила недопитый martini и выдохнула. Проведу неделю с детьми в новом особняке – и можно приступать. Позвонила секретарю и попросила забронировать чартерный рейс в столицу.

Глава 3

(карательный отряд спецслужб – плод воображения авторов и, возможно, имеет место существовать в альтернативной современности... но кто знает, может, существует и в нашей)

Кто-то из великих сказал, что в этом мире рано или поздно всему приходит конец. Но при взгляде на шеренгу стоявших передо мной невозмутимых солдат, с абсолютным и холодным безразличием в глазах, в этом утверждении засомневался бы любой. Потому что эти парни не просто были сильны, они были самыми непобедимыми из всех, кого я когда-либо знал и видел. Элитный отряд. Те, кто выполняют любую работу по одному лишь приказу своего заказчика.

Единственное чувство, которое допускалось им иметь среди нас, это ненависть... друг к другу. А в частности, например, ко мне.

За то, что за последние полгода я добился того, к чему многие из них шли долгое время, но так и не дошли. Опять же, из-за меня. И за это я каждый день видел в их взглядах жгучую ненависть и обещание смерти, мучительной и долгой. Правда, сейчас никто из них не осмелился бы даже озвучить свои мысли, потому что они боялись. Скрывали это от всех, не признаваясь даже самим себе, но безумно боялись меня. До такой степени, что иногда этот страх я ощущал кожей, давая им задания, или как сейчас, когда мы построились в ожидании новеньких.

Кандидатуры отбирались из тех, кого с этим миром уже ничего не связывало, не имевшие чувств и привязанностей, самые жестокие и беспринципные. И я полгода назад, как никто другой, подходил под это описание. Только решение о моей инициации оказалось внеплановым, и наш хозяин даже не советовался со своими, так называемыми, «генералами» для выдвижения моей кандидатуры. Он сам утвердил её в тот день, когда я дал согласие...

Именно с его лёгкой руки меня и стали называть Мёртвец.

– Я дам тебе новое имя. Теперь ты больше никогда не станешь называться прежним, – прошептал он мне тогда, – а пока буду называть тебя Мёртвый. Но только я. Для всех остальных и для самого себя ты будешь безымянным. До тех пор, пока не заслужишь право отличаться от других. Имя – это роскошь. А роскошь, как ты знаешь, не бывает доступна всем.

Сукин сын восхищался моей абсолютной хладнокровностью, как по отношению к объекту, так и к другим «солдатам». Он называл нас своим войском. А я лишь склонил голову в день собственного принятия, молча соглашаясь с этим определением. Мёртвый. Это слово подходило мне как нельзя лучше. Тогда и сейчас. Тогда как нашего командира, того, кто управлял нами называли очень коротко Лис.

Ирония судьбы, теперь я был намного сильнее своего хозяина, но уже не мог бросить ему вызов. Потому что основным пунктом было соблюдение всех его правил. То есть я не могу трогать нашего главного Заказчика. Пока. И пока я терпеливо ждал, когда этот подонок оступится настолько сильно, что его можно будет взять за яйца. И схвачу его за них именно я, так как сегодня меня повесили.

Выше были только «генералы» и сам Лис. Теперь я решал, что делать с тем или иным заказанным, и каким видам пыток стоит его подвергнуть. Ну, и обязан был присутствовать на них лично.

Пытки... Единственное, что скрашивало моё пребывание в этих холодных серых скалах. По крайней мере, поначалу. Это потом они станут для меня настолько обыденными, что я перестану выпускать Зверя для того, чтобы и он получил свою долю наслаждения от душераздирающих криков пленников, точнее, отпадёт необходимость в этом.

А первое время я получал дикое удовольствие, наблюдая, как корчатся в предсмертных судорогах те, кто должен раскрыть ту или иную информацию, те, кто перебежали дорогу сильным мира сего. Я – Максим Воронов, тот, кто делал то же самое более до хрена и больше

лет, теперь выступал карателем подобных мне ублюдков, которым не повезло попасться в лапы спецслужб. А в частности – элитного отряда «Каратели».

Ритуал посвящения новеньких закончился, и мы собрались разойтись по комнатам, больше похожим на кельи в монастырях, когда ко мне подошёл Лис и приказал пройти к нему. Я молча пошёл вслед за главой, смутно догадываясь, о чём пойдёт речь. Он пригласил меня сесть за стол и предложил виски. Отказался, терпеливо ожидая, когда Лис начнёт разговор. А чёртов ублюдок до сих пор продолжал проверять меня. Все эти полгода он старался подловить меня хотя бы на одном нарушении правил, к которым относилась даже чрезмерная нетерпеливость. Но я безмолвно следил, как он наливает жидкость в бокал, рассматривая её на свету, и медленно выпивает, зажмуриваясь от удовольствия.

Ещё полгода назад это заставило бы почувствовать сухость в горле и безумное желание снова ощутить вкус виски на губах, отвлечься хотя бы ненадолго от тех мыслей, что не оставляли ни днём, ни ночью. Но те времена прошли безвозвратно, а ещё раньше я потерял нечто намного большее, чем возможность пить виски, так что сейчас я лишь невозмутимо ожидал, когда начнётся главное действие.

Лис наконец повернулся ко мне:

– Рад новой должности, Мертвый?

Светло-карий взгляд цепких глаз внимательно следил за моим лицом, не промелькнёт ли хотя бы тень эмоции.

– Я не знаю, что такое радость.

Глава удовлетворённо хмыкнул.

– Мертвый, я доволен тобой. – прищурился, не отрывая взгляда. – Именно поэтому я сделал тебя генералом. Здесь это не военная должность, но тебе она даёт определенные полномочия. Теперь в твои обязанности входит не только поимка объектов и проведение пыток. С сегодняшнего дня ты вправе сам решить, какое наказание применить к тому или иному пленнику. Под твоим командованием будут пятнадцать человек, беспрекословно исполняющие любые твои приказы. Тебе предоставят новый дом...

Он замолчал, с выжиданием глядя на меня.

– Мне не нужен дом, – я пожал плечами, – достаточно той комнаты, что я сейчас занимаю.

– Я бы предоставил тебе шлюху..., – сказал и снова замер, в ожидании ответа.

– Мне не нужны шлюхи.

Это было предложение века, по меркам нашего аскетического существования в казармах. Дело в том, что солдаты обязаны были соблюдать целибат. Никаких женщин, никаких мужчин, никаких плотских удовольствий. Свод правил, а проще – наш личный Кодекс запрещал любую сексуальную связь. Нарушение этого правила каралось изгнанием. Не так уж страшно звучит, правда? Вот только никто и никогда не позволит уйти. Отсюда не уходят. Разве что только напрямик в Ад. Без гроба и похорон. И все понимали – реальным наказанием за подобной проступок являлась смерть. Вдали от любопытных глаз. Втайне от вышестоящих, тех, чьи имён не знал никто, кроме, может быть, самого Лиса и нескольких генералов.

Конечно, глупо предполагать, что вполне здоровые мужики на протяжении нескольких лет сохраняли целомудрие. Лишь единицы из них, слепо преданные своему делу и не отступающие от предписаний Кодекса ни на шаг. Все остальные развлекались тайно. С пленницами. Или пленниками, если долгое время не задерживали женщин. Ещё до выяснения всех обстоятельств дела пускали несчастных по кругу, насилуя круглыми сутками, доводя до отчаяния и выбивая нужные признания. Действенный метод, надо сказать.

Именно с тех пор многие и стали относиться ко мне настороженно. Потому что я не принимал участия в их оргиях. Никогда. Я оставлял их и уходил в свою комнату, закрывая глаза и представляя на месте жертвы, чьи крики доносились снизу, Дарину. А себя в роли её карателя. Такого же бессердечного и жестокого, как они. И тогда отвращение и ненависть к

самому себе накатывали с такой силой, что, казалось, способны были разорвать меня на мельчайшие части. Мне приходилось сдерживать себя от порыва броситься вниз и расправиться с жестокими соратниками. Я заказал для себя наручники и в такие моменты приковывал сам себя к железным столбикам у изголовья собственной кровати, ожидая, пока пройдёт очередной подобный приступ. А после завершения издевательств один из парней поднимался и освобождал меня. И так изо дня в день. Почти полгода. А потом меня перестали волновать и вопли женщин, и глумливые выкрики парней. Я научился отстраняться от всего, что не касалось моей непосредственной работы.

Сейчас мне предлагали вполне официально иметь собственную шлюху.

Но меня эта идея не прельщала. Я давно уже перестал чувствовать какое бы то ни было влечение к женщине. Ко всем, кроме одной, к сожалению.

Голос Лиса услышал сквозь туман собственных мыслей:

– Ты сможешь пользоваться интернетом, смотреть телевизор, Мертвец...

Телевидение и интернет находились в ограниченном доступе. И они считались непозволительной роскошью для всех, кроме определённого круга лиц, к коим относились такие, как я. Я встал, понимая, что разговор окончен.

– Мне это не нужно. Меня вполне устраивает моя нынешняя жизнь. Я могу быть свободным?

– Как знаешь, Мертвый. – Лис встал и склонил голову, отпуская меня. Ответил ему тем же жестом и направился вниз. В тюрьму. Сегодня я должен подвергнуть пыткам очередного пленника, устроившего из одного столичного театра притон для наркоманов и любителей поиграть в смертельные игры. Он продавал у себя героин, кокс, мет, при этом храм Мельпомены был центром огромной раскидистой сети по распространению дури по всей стране.

А каждую неделю они устраивали представления для своих зрителей. Наркотические оргии. Шутливым девизом каждой постановки служило высказывание «Работаем за е*лю».

Я зашёл в темницу, и ко мне тут же подскочил один из моих подчиненных:

– Пленник готов, Мертвый, – коротко доложил он. – Отрицает любую причастность к этому делу. Не согласен с выдвинутыми обвинениями.

Оно и понятно, актёра поймали только накануне, и пока к нему никакие меры не применялись, все были заняты другими всяками.

Я прошёл к стулу возле огромного стола с кучей металлических предметов на них.

Парень был прикован голым к стене. Его фигура напоминала крест – раскинутые в сторону руки и раздвинутые ноги.

Бросил на него быстрый взгляд и приказал, обращаясь к своим псам:

– Расковать!

Те принялись освобождать ублюдка, а он, настороженно следил за мной, справедливо не веря, что ему так повезло с инквизитором.

– Распясть!

Пленника снова схватили, и пока я выбирал инструменты для последующего разговора, стражи оперативно распяли его, не обращая внимания на дикие крики и проклятья пленника, вбив огромные гвозди в руки и ноги.

Наконец, он заткнулся, и я повернулся к нему. Лицо бледное, глаза бегают из стороны в сторону, затравленно оглядывая окружающую обстановку. Заметил, как я взял огромные ножницы и нервно сглотнул. Я подошёл к нему:

– Итак, у тебя есть право выбора: или ты рассказываешь нам всё о своих махинациях с дурью и организацией «порно спектаклей» с несовершеннолетними, или я медленно лишаю тебя сначала пальцев на руках, потом на ногах, после – носа, потом яиц и твоего стручка.

Закованный гордо вздёрнул подбородок вверх. Я провёл металлом по кисти руки, и он заорал от страшной боли.

– Как ты понимаешь, ты навсегда лишишься своих пальцев. – дотронулся до его носа. – И носа, ушей. Я превращу тебя в обрубок и брошу подыхать где-нибудь на улице. А ты сможешь выжить, потому что тебе умело наденут жгут и обработают раны. Без рук и ног, без ушей, без глаз. Кем ты станешь, ты, пугало, которое трахало четырнадцатилетних девочек?

Молчание в ответ. Что ж, это было его решение. Раз – и большой палец левой руки полетел вниз. Истошный крик, и он уже лишён второго пальца. А потом, третьего и четвёртого. Придурак не говорил ничего по делу, а только истошно орал, глядя распахнутыми от ужаса и дикой боли глазами то на свои обрубки на полу, то на кисти, истекающие кровью

Когда закончил обрабатывать ноги актёра, дал ему успокоиться и выразительно посмотрел на нос.

– Прошу вас, – слёзно начал умолять ублюдок, и я поморщился. Значит, не подействовало. – Отпустите меня. Я..я ни в чём не виноват...Я...я ничего...

Кивнул одному из псов, и тот схватил парня за голову. Одно движение – и вот уже безносый пленник заливается кровавыми слезами, отчаянно моля прекратить пытки.

– Я прекращу. Только ты должен рассказать мне всё о своих каналах поставок, назвать имена лиц, сотрудничающих с тобой, и контакты, по которым ты связывался с ними.

Он обессиленно покачал головой и еле слышно прохрипел:

– Но я, и правда, ничего не...

И уже через секунду орал, как резаный, когда я отсек его член.

Отошёл к столу, выжидая, пока этот идиот будет в состоянии говорить, а не булькать, захлёбываясь своей же кровью. Взял в руки набор стрел, больше напоминающих собой длинные иглы. Развернулся лицом к пленнику;

– Это мой набор для игры в дартс. Слышал о такой?

Недоумок заткнулся, видимо смутно осознавая, о какой «игре» я веду речь.

– Какого глаза тебе меньше жаль? Левого или правого?

Он, как рыба, ловил воздух ртом, по инерции закрыв глаза. Будто это могло их спасти.

Я потерпел минуту, давая ему ещё одну возможность добровольно всё рассказать. Но он промолчал, тем самым определив собственную судьбу.

Прицелился и попал точно в яблоко. Глазное. Ещё один душераздирающий крик, и вот он начинает сдавать всех своих подельников. Одного за другим. Периодически замолкая на долгие-долгие минуты, так как говорить у него почти не остаётся сил.

По окончании допроса прихватил бутылку ледяной воды. Я больше не пил. Никогда. Только вода. Только трезвая голова и много боли. Я пьянел от нее.

Поднялся к себе, почему-то обдумывая слова Лиса. Его предложение о переселении в отдельный дом. Нет, я не собирался даже рассматривать возможность согласия. Но ощущение, что неспроста он заговорил об интернете и телевидении, не покидала. Хотя откуда ему было знать? Откуда вообще кто-то мог догадаться о том, что я намеренно старался даже не заходить в то крыло комплекса, где стоял огромный домашний кинотеатр?

Сейчас не старался. А ещё полгода назад, как чёртов наркоман, я ходил за дозой информации о внешнем мире. О той жизни, что больше никогда не будет моей. Особенно тяжело было в первые месяцы. Тоска по семье, по Дарине сводила с ума, лишая разума, заставляя кататься по полу с закусанной рукой во рту, чтобы никто не услышал и не узнал, что у меня есть чувства. И что они заставляют бежать каждую свободную минуту к огромным мониторам, чтобы хотя бы издали любоваться любимыми лицами детей, слышать спокойный голос Андрея, рассуждающего о той или иной проблеме в стране и бизнесе...

И наблюдать, как моя женщина идёт в обнимку с тем, кого я ненавидел больше жизни, позволяя прикасаться к себе, обхватить за талию, улыбаясь ему. И не опровергая слухи о связи с ним. На всех каналах, в любых поисковых системах Дарина Воронова всегда запечатлена рядом с Денисом Ветровым. Счастливая пара, улыбающаяся со всех экранов.

Чёрт побери, как же это было больно. Наблюдать за ними, находясь здесь. Осознавать, что та, которую ты любишь, теперь уже с другим. Она не вышла за него замуж, но это не имело значения. Она была рядом с ним. И не только она. Почему-то, когда я уходил, труднее всего было свыкнуться с мыслью, что в жизни Дарины рано или поздно появится другой мужчина. Что он будет делить с ней радости и беды, наслаждаться её телом, и ему она подарит свою душу. Но вот что чувствует отец, когда видит совершенно постороннего мужчину рядом со своими детьми, я тогда не представлял. Эту бешеную потребность вцепиться в горло уroda, посмевшегося прикоснуться к моей дочери или взять на руки моего сына.

Это уничтожающее чувство, что тебя предали те, кому ты доверял безоговорочно. Только здесь, среди скал, я понял, что единственные, кому я доверял, были мои дети. Только в их любви я никогда не сомневался ни на грамм.

И после этого видеть, как они нашли замену мне, было самым настоящим адом. Адом, в котором я горел каждый день, увлекая за собой пленников и стражей на тренировках. Тогда-то и вырывался Зверь, чтобы отыграться на них за все те страдания, что исполосовали его чёрную душу на тоненькие кусочки. Душа умерла. Я действительно Мертвый. Какое меткое определение.

Снова наручники и метания по полу в попытках успокоиться, доказывая самому себе, что так будет лучше. Что им нужен мужчина рядом. Чтобы оберегал и защищал.

«Ты сам ушёл, Мертвый. Ты не должен никого в этом винить!» Да, я не имел права никого обвинять. Понимал, что во всём виноват сам. Но боль от этого не становилась слабее, и холод всё не покидал тело, которое даже сейчас, по истечении полугода, не могло никак отогреться. И каждый день я тщетно мечтал о том, чтобы сдохнуть и избавиться от этой непрекращающейся агонии, ломающей изнутри, выкручивающей кишки и тугими пальцами продолжавшей сжимать горло.

Единственное, что я знал наверняка, – когда-нибудь именно так и будет. Когда-нибудь я избавлюсь от боли навсегда... когда сам превращусь в тлен.

Глава 4

Последний раз я ехала сюда полгода назад... ночью, в снегопад. Но я бы нашла эту дорогу с закрытыми глазами. Чем ближе подъезжала к особняку, тем быстрее билось сердце. Оказывается, это не просто – приехать к своему прошлому, к тому самому, от которого бежала, сломя голову. Я бы не возвращалась в это место, если бы не вещи, которые привезли из дома у гор. Его я тоже продала. Стефан сказал, что там есть важные документы, расчетные листы, договора. Что нужно перебрать бумаги, а он сейчас не может этим заняться. Конечно, не может, он занимается совсем другими делами...намного важнее для меня, чем какие-то бумажки...Стефан заботится обо всех путях к отступлению после того чудовищного преступления, которое мы собрались совершить. Скрытие всех следов и улик, а если сказать словами самого Радича, «прикрытием вашей задницы». Да, за эти месяцы мы сблизились. Даже подружились. Как бы странно это не звучало. Если учитывать, что этот тип каждый день «убивал» меня раз...надцать всеми различными способами, а я ругалась на него похлеще сапожника и ненавидела каждый раз, когда он говорил «вы убиты, Дарина...вы – красивый, обворожительный труп, лежащий на коврике в спальне Зарецкого... кстати, вы помните, что он не гнушается мертвецами?»

В этот момент мне хотелось выцарапать эти серые глаза. Но Стефан давал мне знания. Очень ценные, глубокие, интересные. Он провел много лет в Азии. Его слабость – это холодное оружие. Он ловко владел любым видом ножей, мечей, кинжалов. Эти знания Ищейка отдавал мне и, я бы сказала, отдавал очень профессионально. Мне казалось, что на этом свете нет ничего, чего не знал бы этот тип. Теперь я понимала, почему люди из охраны моего мужа, находящиеся у него в подчинении, самые лучшие – он выбирал их сам. Что ж, мой бывший муж не держал бы возле себя бесполезного помощника, а Стефан пробыл с Максимом бок о бок несколько лет.

Прошло столько месяцев, а я все еще не могу думать о НЕМ спокойно. Сколько времени нужно, чтобы забыть? Говорят, что время лечит, стирает память, притупляет боль.

Нет, время не лечит, оно просто бежит вперед, а ты остаешься в прошлом. Какая-то часть сердца и души остается там навечно. Но есть мгновения, когда все оживает, возвращается с такой остротой, словно это произошло вчера. И эти воспоминания лучше не трогать. Сейчас я не просто их трогала, я в них вернулась и окунулась все в ту же обжигающую серную кислоту боли. Каждый километр, приближающий меня домой, заставлял сердце биться в висках, задыхаться. Готова ли я к встрече с прошлым? Нет. Не готова. Никогда не готова. Наверное, через столетие я не смогу спокойно произносить его имя, чувствовать запах его одеколона или слышать голос на видео. Я успокаивала себя, что это в последний раз. Точнее, что это последняя ниточка, которая все еще нас связывала – вот этот дом, который мы выбирали вместе, в котором родился Марк и прошли самые счастливые годы нашей совместной жизни.

Я свернула на узкую дорожку и сбросила скорость. Впереди виднелись ворота особняка и темные окна. Только на первом этаже, в крыле прислуги, горел свет. Сегодня я всем им дам расчет. Кто-то переедет со мной в новый дом, а кто-то получит увольнительные и будет искать другую работу. Рекомендательные письма все получили.

Я припарковала машину и вышла. Вдохнула горячий летний воздух полной грудью и вошла в дом.

Как странно, но дома хранят свой особенный запах, свою ауру. Иногда можно закрыть глаза, но безошибочно определить, что ты дома, лишь по запаху. Я поставила сумочку на стол и медленно поднялась на второй этаж, в кабинет Максима, толкнула дверь, включила свет. На столе стояла большая картонная коробка с надписью «документы».

Из того дома...из того проклятого места, где он меня запер.

Я тяжело вздохнула и сделала несколько шагов по кабинету. Как будто и не прошло столько времени. Все так, как и было при нем. Беспорядок на столе, приоткрытая дверца бара, в котором красуется графин с виски и два бокала. Рядом коробка с кубинскими сигарами. Я подошла к шкафчику. Протянула руку, открыла коробку и поднесла сигару к лицу. Закрыла глаза, вдыхая запах табака:

«Я говорил тебе, что ты мой наркотик? Мой личный антидепрессант»

Я даже вздрогнула и дотронулась до щеки так же, как и он тогда, когда произносил эти же слова в этом самом кабинете. Все тело скрутило от дикой ломки. Внезапно. Быстро и безжалостно. Ничего не изменилось. Совершенно ничего. Я все так же им одержима. Мне все так же больно. Мне дико и плохо без него.

Я научилась жить одна, но я не научилась его любить. Иногда мне до боли хочется его увидеть. Просто издалека...или услышать его голос. Ненавижу себя за это. Ненавижу каждую мысль о нем и не могу с этим справиться. Мое сердце разодрано оно не зажило, оно все так же кровоточит, оно болит, саднит, ноет, рвется на части снова и снова. За все месяцы Максим ни разу не дал знать о себе. Он забыл меня, вычеркнул из своей жизни. Я даже «видела» его мысленно в каком-то ночном клубе с неизменной сигарой в зубах, блеском в порочных синих глазах, высматривающего очередную жертву...а, возможно, он счастлив с другой женщиной...Вспоминает ли он обо мне? О нас?

Ответ очевиден, как то, что я живу – нет. Когда Максиму кто-то или что-то нужно, он достанет это из-под земли. А, значит, я ему не нужна, если так легко смог забыть и жить где-то вдалеке, не вспоминая ни обо мне, ни о детях, а я, глупая и жалкая, воспоминаниями рву душу в клочья.

Положила сигару обратно и, судорожно вздохнув, села за стол, раскрыла коробку. Все аккуратно сложено в папки. Я доставала их и перекладывала на стол, листая документы.

На глаза попала папка «Личное». Открыла. Совершенно пустая. Только запечатанный конверт. Взяла его в руки увидела написанное от его руки «Дарине».

Осторожно вскрыла конверт, и он выпал у меня из рук, подняла с пола и достала письмо. От первых же слов перед глазами все поплыло. Зажмурилась, пытаюсь взять себя в руки...

«Здравствуй, Даша! Знаю, сейчас ты не просто удивлена, ты буквально ошарашена, получив это письмо. Но, поверь, твои удивление и растерянность ничто по сравнению с тем, что сейчас чувствую я. Сам не знаю, зачем пишу сейчас его. Может быть, оно так и останется в ящике моего стола; может, я сожгу его сразу после написания или на следующий день...А, может, мне всё-таки хватит смелости, или, скорее, наглости отправить его тебе. И тогда ты сможешь прочитать, если, конечно, захочешь после всего, что произошло, в чём я теперь начал сомневаться.

Я скачаю, малыш. Прошло всего два дня с тех пор, как я приехал домой после встречи с тобой, а я уже безумно соскучился. Домой...Хотя теперь чёрта с два я могу называть это огромное холодное здание своим домом. Скорее, временное пристанище. Такое чуждое без тебя, унылое, глядящее в темноту пустыми глазницами окон. Оказывается, дом – это не архитектурное здание, а живой организм. Он дышит тогда, когда наполнен уютом и любовью. Ты знала это, Даша? Конечно, знала. Такая маленькая и такая мудрая. Я же понял это только теперь. Теперь, когда остался один на один с этим огромным умирающим домом. Он так же, как и я сейчас, прозябает в одиночестве. Два зверя в ожидании. Чего мы ждём, любимая? Хотелось бы думать, что дождёмся того, что сможем снова дышать с облегчением, а не загноёмся с ним на пару в агонии безысходности.

Всё-таки я добился своего, маленькая моя. Теперь ты ненавидишь меня. "Ненавижу"... Оказывается, чертовски больно слышать такое от самого дорогого существа на свете. И самое страшное – я понимаю, что это не пустые слова, брошенные в надежде уколоть побольнее. Нет. Теперь это именно то чувство, которое я у тебя вызываю. И это то, что я заслуживаю. Каждое

твое обвинение, каждый твой упрёк. Заслужил. За те десять лет, что причинял тебе страдания и боль.

Как физическую, так и моральную. Но ты всегда прощала меня. Всегда. Выбирала меня и тот ад, что живёт во мне, хотя запросто могла бы жить спокойной и счастливой жизнью с кем-то более достойным, чем я. Не говорю, что я отпустил бы тебя. Не знаю. Наверное, не смог бы. Не могу представить, что ты могла бы принадлежать другому. Улыбаться ему, отдаваться, родить детей. Проклятье... Пишу тебе и чувствую, как изнутри поднимается волна ненависти и ярости к этому эфемерному счастливчику. Мне легче полоснуть себя по горлу лезвием, чем отказаться от тебя.

Но ведь ты никогда и не ставила меня перед таким выбором. Никогда не оставляла меня, даже когда ради твоего же блага я тебя гнал.

"Мой зверь". Так ты меня всегда называла. Твой, малыш. Целиком и полностью только твой. Весь. Со всеми своими недостатками и мраком. Несмотря на то, что я всегда отрицал это. "Макс Воронов никому не принадлежит!". Ложь, малыш. Бравата в чистом виде. Я всегда принадлежал только тебе. С тех самых пор, как посмотрел в твои голубые глаза. Ты так легко смогла накинуть на страшного и кровожадного Зверя невидимый ошейник, что ему ничего не оставалось, кроме как отрицать свою зависимость от тебя. Это было слишком сильное и слишком страшное чувство для меня. Я никогда и ни от кого не был зависим. Ни от отца, ни от брата, ни от клана. Но ты, моя маленькая чистая девочка... Ты сделала то, что не смог никто. Каким-то образом ты нашла что-то светлое в той беспросветной тьме моей души и вытащила его наружу.

А я никогда не благодарил тебя. Ни за это, ни за то, что, несмотря ни на что, была моей поддержкой. Даже когда от меня отказывались мои кровные родственники. Только ты одна всегда верила мне... в меня.

Но теперь даже этой веры не хватает для того, чтобы погасить ненависть в твоих прекрасных глазах. Ты сама сказала мне, что любая чашка рано или поздно может переполниться. И, видимо, твою чашу терпения я всё-таки заполнил до краёв. И теперь осталось только ждать, когда вода начнёт выливаться из неё. И тогда... Поймал себя на мысли, что не знаю, что тогда будет, любимая. Мне даже страшно представить, чего могут стоить мне последствия этой игры.

Да, Дарина, игры. Грязной и бесчестной, как и всё, что касается Макса Зверя. Неужели, малыш, ты могла поверить, что я действительно смогу расстаться с тобой? Поверить этим юридическим бумажкам. Этой фикции? Не было никакого развода, любимая. Подделка. Так же, как и никакой свадьбы. Муляж, инсценировка, умело организованная мной и Радичем. Неужели какая-то кучка листочков с закорючками внутри может разрушить нашу любовь? Распотопить мою страсть к тебе? Больно думать, что ты так легко поверила в это. Хуже этого только ловить в воздухе твоё обручальное кольцо. Как символ того, что выбросила меня из своей жизни. Лучше бы ты в тот момент выстрелила мне прямо в сердце, было бы не так мучительно.

Я почти закончил это грёбаное письмо и только теперь понял, почему вообще сел за стол и взял ручку. Наверное, всё-таки пришла пора раскрыть перед тобой карты и рассказать о причинах моих поступков. Не знаю, будет ли тебе интересно услышать ответы на все свои вопросы теперь, ведь в нашу последнюю встречу ты уже не задавала вопросов, а только просила, нет, требовала, свободы. Но я всё равно приеду и попытаюсь это сделать, малыш. Ради тебя. Ради нас двоих. Нет, пятерых. Приеду не потому, что наплевать на твои желания, а потому, что я боюсь, Даша. Буквально на днях я понял, что ничто на свете не стоит того, чтобы я потерял тебя. Ничто. Даже мои чувства к тебе. Всего лишь пару дней назад ты могла навсегда исчезнуть из моей жизни... из этого мира вообще... И осознание этого – самое страшное, что я пережил за свою жизнь. Я не могу потерять тебя ещё раз, любимая. Именно поэтому я и вернусь в поместье, и тогда уже ты сама решишь, стоит ли давать Зверю ещё один, последний шанс. Три дня, Даша, через три дня ты сама сможешь вынести вердикт нашему будущему»

Я закрыла рот обеими ладонями, меня трясло... мне кажется, я даже застонала вслух. Я вынесла вердикт раньше, не дождалась этого письма. Никогда. За всю нашу общую жизнь Максим не говорил мне и четверти того, что было написано здесь. Я перечитывала снова и снова, размазывая слезы по лицу, всхлипывая и закрывая глаза, чтобы снова открыть и перечитать каждую строчку. Вначале смысл был неясен, скорее, я просто жадно читала все, что написал именно он. Потом я перечитала внимательно. Смакуя каждое слово, чувствуя, как меня бросает то в жар, то в холод. Каково это – читать все сейчас, спустя время. Читать тогда, когда уже поздно что-либо исправить. Если бы я получила его тогда, это бы изменило мое решение?

«Да, Даша, игры. Грязной и бесчестной, как и всё, что касается Макса Зверя. Неужели, малыш, ты могла поверить, что я действительно смогу расстаться с тобой? Поверить этим юридическим бумажкам. Этой фикции? Не было никакого развода, любимая. Подделка. Так же, как и никакой свадьбы. Муляж, инсценировка, умело организованная мной и Радичем. Неужели какая-то кучка листочков с закорючками внутри может разрушить нашу любовь? Растопить мою страсть к тебе? Больно думать, что ты так легко поверила в это. Хуже этого только ловить в воздухе твоё обручальное кольцо. Как символ того, что выбросила меня из своей жизни».

Перечитала в десятый раз и, положив письмо на стол, набрала Стефана. Я должна была это услышать от него. Должна была.

– Радич, пришли мне бумаги о разводе. Те самые, которые Максим подписал без меня.

Глава 5

– Радич, пришли мне бумаги о разводе. Те самые, которые Максим подписал без меня. В трубке воцарилась тишина.

– Стефан!

– Да. Я вас слышу.

– Ты можешь переслать мне свидетельство о разводе и о браке Максима с Софией?

Он прокашлялся.

– Таких бумаг не существует. – спокойно сказал он.

– Что значит, не существует? – я сглотнула.

– Их и не было никогда. Максим не разводился с вами.

Я судорожно сжала трубку.

– Бред! Мне сказали и...я сама слышала...

– Что вы слышали? Сплетни слуг? Прессы? Нет ни одного документа, подтверждающего брак Максима с Софией Волковой. Только фальшивая бумажка, которую я сделал для того, чтобы он мог ей показать.

Мне казалось, что мое сердце бьется у меня в горле, а пальцы дрожат так, что я не могу удержать в них смартфон.

– Я хочу поговорить с Софией. Где она, Стефан? Я уверена, что ты знаешь, где прячется эта стерва. Я хочу увидеть ее и лично поговорить с ней. Скажи мне адрес.

Услышала смех Ищейки, а потом его слова:

– Вы не сможете с ней поговорить. Ваш муж отправил ее туда, откуда не возвращаются. Да, да! Именно туда! Вы все правильно поняли.

Я обессиленно уронила руку со смартфоном и закрыла глаза. Потом медленно поднесла ее снова к уху.

– Где он, Стефан? Куда уехал?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.